

ОТШЕЛЬНИК В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Когда говорят, что время великой русской литературы прошло, — выдают желаемое за действительное», — убеждена Новелла Матвеева

Геннадий Красников

НОВЕЛЛА НИКОЛАЕВНА, как вам удалось остаться по-этом-одиночкой в большом конвейере советской литературы, своего рода отшельником, поэтическим Робинзоном Крузо?

— Для меня лестно, конечно, если со стороны видится, что я сохранилась одиночкой. Я просто не представляю, как можно иначе себя вести в литературе, как можно иначе писать. Меня в свое время часто упрекали в оторванности от жизни, «убеге» от действительности, в том, что у меня нет гражданственных стихов. Но именно те, кто упрекал меня в отсутствии гражданской совести, они сами же мои гражданские стихи (которых было написано немало) отвергали, потому что моя гражданская позиция им была не нужна, поскольку это было «наоборот» тому, что они думали сами. Потому они и распространяли мнение, будто бы в общественном отношении как бы литературный ноль... Но для меня совершенно несомненно, что я автор гражданской темы. Во всяком случае, в ответ на стихи Ярослава Смелякова о том подбострастном чувстве, которое он испытывал, сидя в кресле Ивана Грозного, я написала небольшую поэму «Трон», начинающуюся словами: «Я в тронный зал вхожу без должной дрожи...» Но охранители тронов всех времен эти стихи так и не напечатали.

— Выходит, что видимость необитаемости вашего острова создавалась теми, кто мешал нам познакомиться с «общественным направлением» творчества Матвеевой? Но ваш романтический пафос иногда мог восприниматься как некий самообман, как, например, в песне «Дома без крыш»: «Было волшебное все: даже бумажный сор, / Даже мешалку-палку вспоминаю до сих пор...»

— Когда-то поэт Иван Киуру применил термин живописцев «писать с натуры» к сочинению стихов. И могу сказать, что тот «бумажный сор» написан с натуры. Если самообманом была вся та ночь, тогда и весь мир есть самообман. Потому что прекрасней, замечательней, чем тот вечер, переходящий в ночь, я не видела. Я не считаю, что смогла передать всю его красоту и даже тот летящий мусор не производил впечатление грязи. Просто я так вижу мир, он меня то очень возмущает, то, наоборот, оставляет как бы без языка для описания его... не красоты, нет... Красота это какое-то немножко сладкое слово... Для описания его замечательности, скажем так.

— В ваших стихах много путешествий, эпох, стран, людей. В последнее время горизонты мира значительно расширились. И уже реально, а не в фантазиях люди рванули в зарубежные края. Одни бегут от сора и крови, другие ищут рая вдали от России, третьи «отмывают» грязные миллионы на побережье Канарских островов...

— Если меня что-то возмущает, конкретно сейчас, так это то, что дальние границы открыты, а ближние заперты наглухо. Значит, человек с положением, со средствами может куда-нибудь на Гавайи податься, к Тихому океану, а человек бедный или просто среднего достатка отрезан даже от Черного моря. Для меня самое возмутительное, что, подняв железный занавес, опустили шлагбаум народу перед самым носом, как будто это и была цель, чтобы избранные кинулись вдалеке свое богатство растрачивать... Что касается моих непутешествий... Наверное, если бы я оказалась с помощью какого-то чудесного жезла в другой стране с возможностью вернуться на многострадальную нашу Родину, я бы не отказалась. Потому что впечатления — это огромное дело для стихов, для прозы, вообще для человека, промышляющего авторством. Возмущаться же, что вот кто-то может, а я не могу поехать, мне как-то не приходило в голову. Главное, чтобы меня в моей норе не тербевали и не вытаскивали из нее за волосы, и я сама тогда смогу вообразить всякие интересные путешествия...

— У вас немало стихов и поэм о художниках. В доме вашем я всегда видел массу альбомов: Гойя, Доре, Брейгель, Босх, Рембрандт... Что для вас самое существенное в их картинах — эпоха, ими запечатленная, их взгляд на мир или, быть может, лица людей, которые жили до нас и с которыми нам никогда не встретиться?

— Действительно, самое интересное — это люди, с которыми мы никогда не встретимся. Лица и выражение глаз — для меня самое главное. О чем думали люди в ту эпоху, возможность представить это по их лицам и глазам. Конечно, глупо говорить, что я люблю этих художников (так же, как и Веласкеса), потому что не любить их нельзя. Но, с другой стороны, почему... Может быть, есть которые и не любят или просто видели какого-нибудь художника наших дней, автора квадрата или треугольника, для которых в этом квадрате или параллелепипеде гораздо больше смысла, чем во всех лицах, позах, жестах вельсковских людей...

— Герой вашей поэмы Рембрандт, «король светотени», как пишете вы о нем, похоронен на кладбище нищих. Но если бы он лежал рядом с настоящими королями, на богатом кладби-

Новелла Матвеева — одна из самых известных поэтов поколения «шестидесятников», автор многих лирических и иронических стихов; колких, с жалом сарказма, эпиграмм; тонких остроумных эссе о поэзии и прозе; автор популярной романтической пьесы по мотивам произведений Александра Грина «Предсказание Эглы». Ее песни «Цыганка-молдаванка», «Какой большой ветер», «Кораблик», «Платок вышивая цветной...» и многие другие остаются любимыми в течение вот уже нескольких десятилетий.

ще, то он был бы другим художником, а не Рембрандтом...

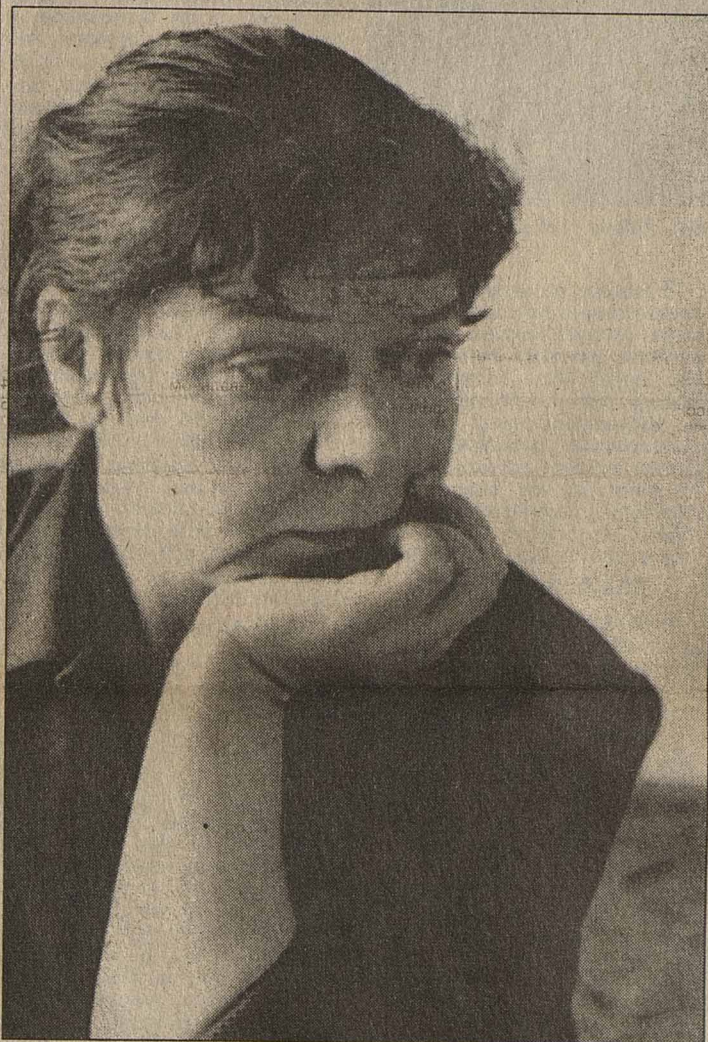
— Конечно, если считать обратно — не от колыбели до могилы, а от могилы назад к колыбели, то, наверное, и все другое у него было бы немножко иначе. Ведь отношение людей, которые, например, очень своеобразно похоронили Моцарта, Рембрандта, оно-то определяет судьбу художника. Художник, талант, по сути своей всегда незащищен. Что сделает, например, негодяй, когда ему надо куда-то пройти? Он локтем вас отодвинет и все, правильно? Чего никогда не делает человек благородный, порядочный и потому оказывающийся страдательной стороной. Но чем меньше прекрасных людей — гениальных, благородных, просто святых, может быть, ничего не делающих в искусстве, но самоотверженных, — чем их меньше, тем больше они мешают, на них смотрят, как будто они у общества бельмо на глазу или коряга под ногами. И убирают их безо всяких размышлений, гордо так, и идут дальше...

— Но когда все общество охватывает эпидемия подобного рода «сталкивания» достойных людей в пропасть, тогда уже масштаб одного или

не. Потому что люди, живущие на этой земле, мешают ее захватить. Потому что Россия с расположенным на ней народом — самой большой помехой была для людей нахрапа и захвата. Есть такое выражение «группа захвата», «группа нахрапа» я называю их. Большая земля всегда притягивает хищников. А тех, кто мешают этому, начинают ненавидеть и унижать... Вообще-то обо всем можно было бы сказать одним предложением: «Великие народы всегда всем мешают, потому что они занимают великие земли».

— Любимый вами Василий Андреевич Жуковский написал в одном из своих стихотворений: «Поэзия есть добродетель». Справедливо ли, по-вашему, это высказывание для наших дней?

— Точно так же, как забыта природа слова «демократия», что это народная власть, из которой народом так раз и исключается систематически, так же забыли и природу слова «творчество». Теперь считается, что бывает разрушительное творчество и что в этом есть особая оригинальность, свободолюбие. Никогда нет свободолюбия в том, чтобы разрушать, в этом есть просто мерзоплобие.

Думы поэта.
Фото Александра Карзанова

нескольких человек, попавших, угонивших под «локоть», кажется слишком мал — начинают замахиваться на нечто более основательное, заявляя с отнюдь не наивной легкостью о том, что Россия всегда находилась «на обочине цивилизации». Хотя, по справедливому возмущению Пушкина, «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна...»

— Какая там обочина, скорее, проходной двор... Человек плохо читает историю. Просто у России другая цивилизация, чем та, которая представляется кому-то цивилизацией. Вот мы говорили с вами об отдельном человеке, что своеобразно человека преследуют. Почему бы по тому же самому принципу не преследовать своеобразную страну, целую, такую огромную? И вообще дурость, какую-то недотянутасть до ума, рабство, лень обычно приписывают, обратите внимание, кому? В большом историко-географическом плане — целым частям света или странам, в которых много земли. Почему в свое время говорили, что негры — дураки? Они, мол, хорошо поют, хорошо пляшут, но вообще слабоумные. Потому что у негров под ногами, под черными пятнами, много золота было. Так же и об индейцах говорили — дескать, они далеки от искусства, литературы... Почему? Потому что мешают, у них под ногами вона какая огромная земля. И что получилось? Ведь как сказал О.Генри об индейцах в «Королях и капусте»: «Они не дали миру ничего, кроме земли, на которой расположены Соединенные Штаты». И Россия то же самое, она ведь такая огромная, ее тоже можно эксплуатировать. Почему вот сейчас приписали именно продавцам землю? У вас еще нет ее, а вы уже хотите ее продавать, почему это вдруг? Все это идет от отношения к России — как к дурной, непонятливой, отсталой, какой-то тусклоумной, национализированной рабской стра-

— Но ведь еще больше двадцати лет назад вы написали об этом: «Не пиши, не пиши, не печатай / Хриплых книг, восславляющих плоть. / От козлиной струны волосатой / Упаси / Твою лиру, / Господь!» Сегодня в литературу повалила толпа молодых, да и не только, с этой «козлиной струной волосатой». И что самое грустное — у них нашлась толпа поклонников и обслуживающих их критиков. А еще вчера многие из них ходили на вечера Ахмадулиной, Матвеевой, Тарковского, спорили о фильмах Феллини и Хулиева...

— Я наблюдала это свинчество еще тогда, а сейчас оно получило под копыта себе благоприятную почву. А что люди этому именно помогают, так ведь «как не порадеть родному человечку», говоря словами Грибоедова. И такая позиция позволяет распускаться все дальше и дальше, а предела-то как совершенству, так и несовершенству — нет.

— Лев Аннинский написал тревожные слова о том, что время великой русской литературы кончилось, что с приходом в Россию рынка, западного образца цивилизации, литература наша не сможет выполнять ту, только ей одной в мире свойственную функцию исповедальности, учительства, проповедничества...

— Я не говорю о Льве Аннинском, но много теперь таких находится, которым хотелось бы, чтобы время литературы кончилось. А оно все кончалось, кончалось у них на языках, а по сути никак что-то не кончилось. И, знаете, многие из предвещающих гибель литературы, сами никогда не напечатывают человека, который будет живым свидетельством, что наша литература не может кончиться. Придет к ним такой со своей книгой, а они просто не пропустят его. Вот она и кончилась. Поэтому, когда говорят, что время великой русской литературы прошло (я не имею в виду Аннинского, конечно), — выдают желаемое за действительное.